

Г. А. Романов

Роль дворов Романовых в градостроительном ансамбле Москвы XVII века

В исследованиях о жизни первых царей и других представителей рода Романовых XVII в. отражены их политика, законотворчество, участие в военных действиях, поддержка православной Церкви, строительство храмов, благотворительная деятельность и многое другое. К сожалению, совсем мало написано об их влиянии на культурную жизнь современного им общества, хотя сами они уделяли этому направлению огромное внимание. В статье предпринимается попытка осмыслить участие первых Романовых в создании и поддержании градостроительного ансамбля Москвы XVII в., призванного убедительно воздействовать на жителей и гостей столицы государства, утверждая Москву как один из главных религиозных и политических центров мира.

Архитектуре в европейских столицах в период Средневековья отводилась особая роль. Абсолютное большинство населения было неграмотно, поэтому именно архитектура, а не литература должна была выражать и утверждать идею торжества религиозной и светской власти. Европейский христианский город Средневековья имел свою высотную архитектурную доминанту в виде городского собора. Город увенчивался собором, подобно тому, как любой храм в свою очередь завершался крестом. У христиан с того времени считалось, что природный рельеф в совершенстве был создан Богом, и человеку оставалось только усиливать в своей культурной деятельности заранее расставленные Творцом акценты. Городские соборы возводились на естественных возвышениях. Городская крепость вместе с находившимся внутри собором в той или иной

степени передавали образы земного Иерусалима евангельских времен. Религиозную значимость европейского города подчеркивали христианские мистерии, проводимые по праздникам. Особенно выделялось среди них традиционное народное шествие в Страстную пятницу с большим деревянным крестом.

Чтобы встать в один ряд с Римом и другими главными городами Священной Римской империи, великий князь Московский Иоанн III Васильевич в XV в. привлек лучших на то время итальянских архитекторов и инженеров для сооружения кирпичного Кремля и возвышавшегося над крепостью Успенского собора. Сыграли свою роль и мистерии. Новгородцы на рубеже XV–XVI вв. под впечатлением от грандиозных христианских мистерий, которые они увидели в городах Ганзейского союза, организовали вдобавок к своим крестным ходам семи городских соборов священнослужителей городские литургические действия в Страстную пятницу, Вербное воскресение, дни Летопровождения и Страшного суда¹. В Москве XVI в. действия стали проводить на Соборной площади Кремля, которую в городском ансамбле вместе с соборами отмечала шатровая колокольня св. Иоанна Лествичника. Улицы Кремля, Китай-города и Занеглименья сходились к Соборной площади, ориентируясь на колокольню и Успенский собор.

Митрополит Макарий и царь Иоанн IV Васильевич возводят в 1555 г. Покровский собор на рву не только как памятник победы взятия Казани, но и для достойного проведения городских действ и крестных ходов семи соборами священнослужителей Москвы по новгородско-

¹ Чин церковный архиепископа Великого Новгорода и Пскова // Чиновник Новгородского Софийского собора / под ред. А.П. Голубцова. М., 1899. С. 239–260.

Покровский собор и Спасская башня. Гравюра конца XVIII в.

му образцу. В первую очередь на Красную площадь начали совершать «Шествие на ослия» во Входоиерусалимский придел Покровского собора с молебном и чтением Евангелия на Лобном месте. Покровский собор стал архитектурной доминантой Кремля с Китай-городом. Царем Борисом Феодоровичем и патриархом Иовом предпринимается попытка возведения нового собора «Святая Святых», тесно связанная с расширением чина действия Страстной пятницы. Программа организации градостроительного ансамбля Москвы как образа Священного Града получила от царя Бориса Феодоровича надстроенную в 1600 г. колокольню Ивана Великого, отмечавшую вертикалью объединенную Соборную и Ивановскую площадь как место, назначенное для главных религиозных событий². Образ Священного Града толковался одновременно и как образ земного Иерусалима и как образ Небесного Града. Шествие в Страстную пятницу задумывалось как торжественное перенесение многочисленных плащаниц с мощами святых, завершаемое золотой плащаницей Господа Иисуса Христа из нового собора в Успенский для совершения чина омовения святых мощей. Интересно отметить, что по мнению Баталова программа строительства предусматривала использование архитектурных

элементов европейского барокко XVI в. В частности, на фасаде здания предполагалось поставить фигуры святых.

В Смутное время в результате пожаров и боевых действий были уничтожены едва ли не все деревянные строения Кремля и посадов, а большинство каменных были разрушены. Перед пришедшими к власти Романовыми стояла сложная задача так отстроить город, чтобы его градостроительный ансамбль передавал религиозное и светское величие государства, не уступая европейским столицам. Побыав в шестилетнем плену, патриарх Филарет Никитич имел возможность оценить положение культурных дел в Европе. Экономические трудности и новая политическая ситуация привели к отказу от прежних проектов. Вместо сооружения нового собора в 1624—1625 гг. были надстроены Спасские ворота, над которыми был возведен образ Мироздания. Главным элементом образа в соответствии с европейскими вкусами стали огромные часы Спасской башни.

Царь Михаил Феодорович и патриарх Филарет Никитич не случайно привлекли к строительству вместе с государевым каменных дел подмастерьем Баженом Огурцовым шотландского инженера и мастера часовых дел Христофора

² Баталов А. Л. Образ Священного Града в архитектурных замыслах царя Бориса Феодоровича // Московское каменное зодчество конца XVI века. М., 1996. С. 268–289.

Готический алтарь 1505 г.
работы Тильмана Рименшнейдера в Креглингндене

Галовея, прибывшего в Москву по поручению английского короля Якова I. Надстройка над воротами представляла собой куб Мироздания, в центре которого устремлялся ввысь восьмерик колокольни с шатровым верхом. Куб Мироздания, как и положено, завершается образом Небесного града. Для этого служат 12 прорезных окошек в верхней части, по три на каждую сторону света, подобно вратам Небесного града в Апокалипсисе. Но ярче всего этот образ передают ажурные завершения стен

куба. Именно так Небесный град отображается в готических алтарях, например, в алтаре работы Вита Ствоша в церкви Св. Девы в Кракове³, алтаря работы Тильмана Рименшнейдера в Креглингнене и в Ротенбурге, в алтаре церкви Св. Вольфганга в Инсбруке и др. Креглингнинский алтарь вообще мог служить образцом при сооружении надстройки Спасской башни, поскольку имел башню в центре Небесного Града. Важно отметить, что каждый готический алтарь представлял собой образ христианского Мироздания.

Колокольня в центре символизирует собой престол Судии с шатровой сенью. Глас колоколов — глас Божий. По углам куба были поставлены четыре фигуры Евангелистов. Получалась композиция как на обложке Библии. Скульптуры на Спасской башне были типичной ренессансной композицией, что доказывает желание Романовых решать градостроительные задачи в русле западно-европейской культуры. С другой стороны, изображение на святых воротах Евангелистов было древней византийской традицией. На Царских вратах в храмах обязательно помещались или написанные образы или резные фигуры Евангелистов.

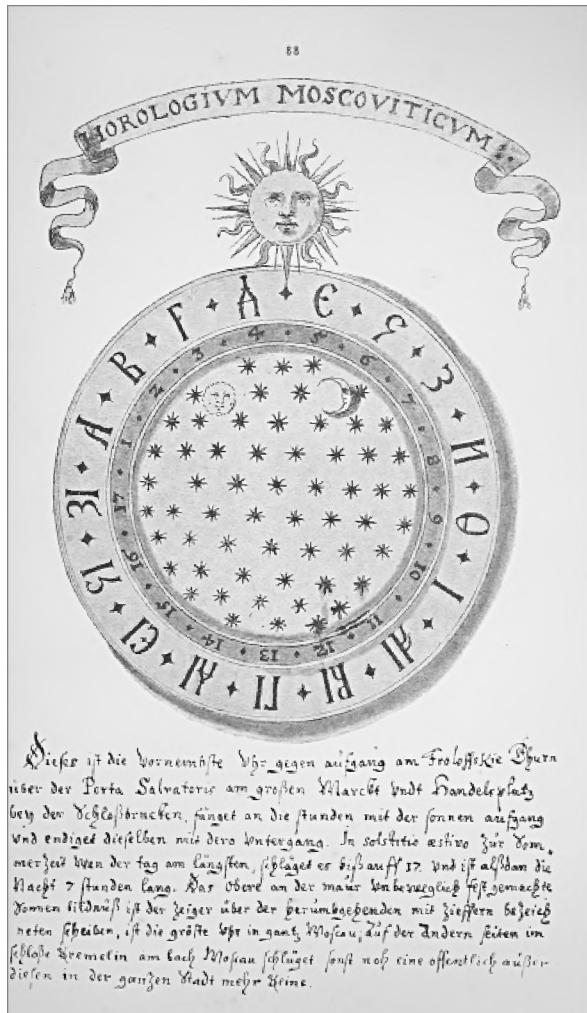

Готический алтарь 1505 г.
работы Тильмана Рименшнейдера в Креглингндене (фрагмент)

³ T.Dobrowolski, J.E.Dutkiewicz Wit Stwosz. Ołtarz Krakowski. Warszawa: Auriga. 1964.

Часы, расположенные в центре куба под килевидным кокошником, принципиально отличались от традиционных европейских, очевидно, по желанию заказчиков. У них не было обычных вращающихся стрелок. Стрелку заменил неподвижный луч от Солнца — Господа Иисуса Христа. Именно так на иконах изображали сошествие Святого Духа. Вращался же большой кругциферблат, в середине которого на голубом лазурном поле были нарисованы небосвод с Луной, золотые и серебряные звёзды. Так передавалось, что весь мир вращается вокруг своего Творца. В устройстве механизма Галовею помогали русские кузнецы-часовщики Ждан с сыном Шумилой Ждановым и внуком Алексеем Шумиловым. В 1626 г. часы пострадали от пожара, но были отремонтированы инженером-механиком. Врач царя Алексея Михайловича англичанин Самюэль Коллинс, лично знавший шотландца, подтверждал, что столь необычная конструкция часов была выбрана специально. Галовей оставался в России и следил за работой часов до 1645 г.⁴

Историк Москвы И. Е. Забелин приводит рассказ архиакона Павла Алеппского, прибывшего в феврале 1655 г. в Москву с Антиохийским патриархом Макарием, и комментирует его: «„Над воротами возвышается громадная башня, высоко возведенная на прочных основаниях, где находились чудесные городские железные часы, знаменитые во всем свете по своей красоте и устройству и по громкому звуку своего большого колокола, который слышен был не только во всем городе, но и в окрестных деревнях, более чем на 10 верст. На праздник нынешнего Рождества⁵, по зависти диавола, загорелись деревянные брусья, что внутри часов, и вся башня была охвачена пламенем вместе с часами, колоколами и всеми их принадлежностями, которые при падении разрушили своею тяжестью два свода из кирпича и камня, и эта удивительная редкостная вещь, восстановление которой в прежний вид потребовало бы расхода более чем на 25 000 динаров (рублей) на одних рабочих, была испорчена. И когда взоры царя упали издали на эту прекрасную горевшую башню, коей украшения и флюгера были обезображенены, и разнообразные, искусно высеченные из камня статуи обрушились, он пролил обильные слезы“». (Далее идет комментарий историка. — Г. Р.)

Спасские часы. Рис Мейерберга. 1662 г.

Конечно, архиакон описывал уникальные часы большей частью со слов москвичей. Но любопытно, что в числе украшающих и доныне Спасскую башню разных фигур и балюсин находились, как упомянул архиакон, и искусно высеченные из камня статуи, о которых говорят и домашние свидетельства: „В 1624 г. октября 6 по указу царя Михаила Феодоровича сделано было на четыре болвана однорядки (верхняя одежда) суконные, сукна пошло английского разного цвету 12 аршин; а быть тем болванам на Фроловских воротах“. Таким образом, эти болваны были поставлены, вероятно, по четырем углам ворот еще во время первоначального устройства

⁴ Colvin H. A biographical dictionary of British architects, 1600–1840. London, 2008. С. 402; Howard J. The Scottish Kremlin Builder: Christopher Galloway — Clockmaker, Architect and Engineer to Tsar Mikhail, the first Romanov. Manifesto, 1997.

⁵ И. Е. Забелин поправляет архиакона, указывая, что пожар случился 5 октября 1654 г. см.: Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1905. С. 189.

башни по замыслу Галовея. Однако по русскому обычаю их одели в суконные кафтаны, вероятно, с мыслью скрыть их статуйную идольскую наружность и дать им вид живых людей⁶.

Фигуры Евангелистов уже больше не восстанавливали. Башню и часы приведенными в порядок увидел и зарисовал посетивший Москву в 1662 г. барон Мейерберг⁷. Первоначальный вид Спасской башни запечатлен немецким путешественником Адамом Олеарием на изображении празднования Входа Господня в Иерусалим на Красной площади в 1636 г.. Тогда башня имела два циферблата часов, выходившие на Красную площадь и на сторону Кремля. Арка на четверике была открыта под звон, на рисунке Олеария она закрашена черным цветом. Также черным цветом закрашены арки, где должны были быть статуи Евангелистов⁸. Возможно наряженные фигуры без подсветки были плохо видны. На гравюре 1673 г., передающей события избрания на царство Михаила Феодоровича Романова 1613 г., надстройка Спасской башни показана также с закрашенной аркой звона на четверике и с закрашенными угловыми арками⁹. Это — самые ранние из сохранившихся изображений надстроенной Спасской башни. На рисунке Мейерберга видно, что после пожара было устроено еще четыре циферблата вместо арки на четверике.

Согласно Мейербергу, Спасскую башню венчал герб Москвы: двуглавый орел, на груди которого имелся щит с изображением всадника, мечом поражающего дракона. По мнению исследователей российской геральдики царь Алексей Михайлович видел в этом всаднике себя как защитника Православия¹⁰. Орлиные головы венчали короны, а между ними возвышался скорее всего деревянный восьмиконечный Голгофский крест, в основании которого была самая большая корона Царя Небесного. Оправданием для установки креста над башней служило наличие

Спасская башня. Фрагмент рис. Мейерберга 1662 г.
Альбом Мейерберга. СПб., 1903 г.

часовен вокруг ворот. В 1702 г. Спасские часы были заменены на немецкий механизм с привычным циферблатом, приобретенным лично царем Петром Алексеевичем. Металлический же крест, завершивший имперскую корону двуглавого орла с 1702 г., гордо возвышался над башней вплоть до советского времени.

Вместо шествия в Страстную пятницу главным городским действом у Романовых стал праздник Входа Господня в Иерусалим, что образно соотносилось с восшествием на престол новой царской династии¹¹. Спасская башня вознеслась

⁶ Там же. Очевидно, именно упоминание о суконных одеждах статуй подвигло И. М. Снегирева на растиражированный позднее рассказ об обнаженных скульптурах на Спасской башне. В суконные одежды наряжали, при этом неоднократно меняя их на новые, резные чудотворные образы святителя Николая, например Волоколамский, Радовицкий, Чебоксарский. Из этого не следует, что святитель где-нибудь был изображен обнаженным.

⁷ Мейерберг А. Путешествие в Московию / пер. А. Н. Шемякина. М., 1874. В первом издании были помещены копии с копий рисунков, воспроизведенных в России: Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. Рисунки Дрезденского альбома, воспроизведенные с подлинника в натуральную величину. СПб., 1903. Т. 1–2. С. 34.

⁸ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 151.

⁹ Книга об избрании на царство великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича. М., 1856; Рисунки, принадлежащие к книге об избрании на царство великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича, самодержца всероссийского. М., 1856.

¹⁰ Лакиер А.Б. Русская геральдика. СПб., 1855. М., 1990. С. 132–140. В § 43. излагаются доказательства того, что изначально московский всадник изображает царя; Муравьев В. Б. Старая Москва в легендах и преданиях. М., 2011. С. 11.

¹¹ Романов Г. А. Крестные ходы в Москве во образ вселенского богослужения // Москва 850 лет. М., 1996. Т. 1, кн. 1. С. 185–189.

Герб царя Алексея Михайловича,
которым завершалась Спасская башня.

Рис. Мейерберга 1662 г.
Альбом Мейерберга. СПб., 1903

третьей архитектурной вертикалью над Кремлем, на нее были ориентированы улицы в XVII в. Градостроительный ансамбль церковного и государственного величия, задуманный и созданный Романовыми в центре Москвы, постепенно пополнялся до тех пор, пока Петр I не запретил строительство, отправив всех мастеров на возведение зданий Санкт-Петербурга.

О получившемся в результате у первых Романовых градостроительном ансамбле Москвы XVII в. написано немало¹². В 1960-е годы в советской архитектуре победило высказанное в 1920-х годах тенденциозное мнение о хаотической, спонтанно сложившейся застройке. Тенденциозность определялась желанием оправдать непоправимые разрушения Москвы. Наиболее объемным и многоохватным был труд М. П. Кудрявцева, изданный в 1993 г. Автор и его последователи

склонны были видеть продуманную символику чуть ли не во всем градостроительном комплексе, что являлось реакцией на предыдущее отрицание символизма при строительстве русских городов. А. Л. Баталов и Л. А. Беляев подвергли критике большинство символических толкований, высказанных ранее разными исследователями, как не получивших документального подтверждения, оставив открытым вопрос об особенностях традиций в формировании градостроительного ансамбля.

Москва XVII в. строилась по византийским канонам со значительным европейским и азиатским влиянием на него. Эстетическое восприятие при строительстве города довлело над выполнением функциональных задач. Особенностью градостроительного ансамбля Москвы стало использование улиц в первую очередь для паломничества и крестных ходов, а потом уже для доставки грузов. Обычно в городах секторно-мысowego типа, образованных на холме между двумя реками, улицы веером сходятся к крепостным воротам. В сакральном смысле все дороги ведут паломника к главной святыне: от часовни к храму, от храма к монастырю, от монастыря к Кремлю. Искривление улиц не было случайным. Русь была перекрестком культурных влияний. На Западе Московию считали Востоком, а на Востоке — Западом. В Китае, Корее и Сибири народные поверья утверждали, что по прямым линиям двигаются только бесы. Нельзя отрицать влияния на нас этих восточных представлений, но решение проблемы было у нас оригинальным: каждый поворот улицы мы заканчивали храмом. Паломник, подойдя к одному храму, видел в перспективе следующей улицы другой храм и т. д. При этом человек и храм оставались сомасштабны друг другу, что потом перестало соблюдаться на длинных прямых проспектах регулярных городов. На заключительном этапе пути московские улицы поочередно указывали на три доминирующих вертикали города: Покровский собор, Спасскую башню и колокольню Ивана Великого¹³. Так дороги вели бого-

¹² Гольденберг П. И. Старая Москва. М., 1947. С. 17–30; Тверской Л. М. Русское градостроительство до конца XVII века. Л.; М., 1953; Русское градостроительное искусство: Древнерусское градостроительство X—XV веков / под ред. Н. Ф. Гуляницкого. М., 1993. С. 209–380; Кудрявцев М. П. Москва — Третий Рим. М., 1994; Баталов А. Л., Беляев Л. А. Сакральное пространство средневековой Москвы. М., 2010.

¹³ Кудрявцева Т. Н. Кадашевская слобода в Москве и ее развитие в конце XVII—XVIII в. (градостроительный анализ) // Архитектурное наследство. М., 1979. № 27. С. 38–48.; Щенков А. С. Структура русских городов XVI—XVII вв. и их эстетическое восприятие // Архитектурное наследство. М., 1984. № 32. С. 3–12.

мольцев по возрастающей (что символизировало путь духовного возрастания) к главным святыням государства и Церкви. Интересно сравнить эти представления со старообрядческим преданием о том, что все земные дороги являются отображением небесных путей, по которым направляется небесное паломничество в Горний Иерусалим¹⁴.

Другой особенностью русской градостроительной модели был эффект «чудесного видения Небесного Града», который, пожалуй, стоит отнести к европейскому влиянию. Основанием для распространения подобных видов послужил вид на Иерусалим с Елеонской горы, ставший образцом для иконописных изображений Небесного Града. Средневековый вид из-за реки на крепость на высоком холме, над которой возвышался городской собор, существовал в Риме, Константинополе, Вене, Будапеште, Праге, древнерусских Киеве и Владимире. В городах секторно-мысового типа для путника, подходящего по улице к крепости из-за долины малой реки, линия горизонта искусственно опускается, и вид города на высоком холме «повисает» в воздухе. Первые Романовы в Москве XVII в. усиливали этот эффект для каждого паломника, подходящего к Кремлю из Занеглименья. Во-первых, в целях оборонной безопасности запрещалось воз-

водить любые постоянные каменные постройки вокруг Кремля на расстоянии пушечного выстрела, чтобы враг под их прикрытием не смог поставить свои орудия. Во вторых, по государеву распоряжению, за исполнением которого следили государевые мастера и подмастерья каменных дел, уличным сооружениям, приближенным к Кремлю, надлежало быть «мелкого размера», что еще более опускало искусственный горизонт для паломника и усиливало эффект «чудесного видения Небесного Града».

Впрочем, к трудам по формированию градостроительного ансамбля Москвы Романовы были привлечены еще во второй половине XVI в., когда на самых ответственных участках им были отведены дворы. Дворы приближенных к государю бояр на улицах, ведущих в Кремль, должны были предварять и подготавливать путника к восприятию царского дворца.

Первый московский адрес предков Романовых был между Тверской и Дмитровкой. Там боярин великого князя Дмитрия Донского Феодор Андреевич Кошка устроил двор в конце XIV в. Его правнук Юрий Захарьевич Кошкин-Захарьев служил воеводой у великого князя Василия III Дмитриевича. Дочь воеводы Феодосия в память об отце основала рядом с домом Георгиевский

Георгиевский монастырь в Георгиевском пер. Фото 1881 г.
Альбомы А. Н. Найденова. ГИМ

¹⁴ Архив Российского этнографического музея. Ф. 7. Оп. 1. Д. 108. Л. 13.

женский монастырь. В этом дворе выросли племянники Феодосии Анастасия, Даниил и Никита Романовичи. Шурин царя Ивана IV Васильевича Никита Романович Захарьев-Юрьев в конце 1540-х годов женился на купеческой дочери Варваре Ивановне Ховриной. В приданое он получил дом Ховриных с большим участком в Зарядье, куда семья и переехала. Освободившаяся земля в Георгиевском переулке вместе со всеми строениями была оставлена Георгиевской обители¹⁵. В начале царствования Алексея Михайловича древний Георгиевский собор был перестроен, а монастырь был дополнен храмом Казанской иконы Божией Матери. При выезде из Воскресенских ворот Китай-города и от Иверской часовни Георгиевский монастырь возвышался над застройкой от Тверской до Большой Дмитровки и держал panoramic вид.

Варвара Ивановна умерла в 1552 г. От второго брака с княжной Евдокией Александровной Горбатой-Шуйской Никита Романович имел шесть сыновей и шесть дочерей. Обширный двор на Варварке уже с середины XVI в. стал наполняться каменными строениями. В середине участка располагались «Палаты на нижних погребах», которые служили основным жилым помещением. На улицу выходили поставленные глаголем «Палаты на верхних погребах». Именно они формировали парадный вид с улицы, возвышаясь двумя высокими этажами над прохожими. Скорее всего, шатровое башенное завершение ближней к Кремлю части здания появилось уже в XVI в., в то время как основной объем здания был перекрыт высокой четырехскатной крышей. В результате хоромы имели удивительно живописный вид, возвышаясь над простой застройкой. Никита Романович привез из Новгорода, куда он был поставлен воеводой, икону Божией Матери «Знамение», ставшую покровительницей

Палаты бояр Романовых на Варварке.
Фото 1883 г. Альбомы А. Н. Найденова. ГИМ

рода. Икона проявила себя как чудотворная и стала одной из православных святынь Москвы. Для иконы была поставлена домовая Знаменская церковь. Хотя с 1600 г. Романовы не жили на Варварке, цари Михаил Феодорович, Алексей Михайлович, Феодор Алексеевич и Иоанн Алексеевич проявляли постоянную заботу о бывшем родовом гнезде. В 1631 г. царь Михаил Феодорович после смерти матери, инокини Марфы Ивановны, основал Знаменский мужской монастырь, к которому отошел «Старый государев двор»¹⁶.

В 1668 г. Знаменская обитель сгорела. От пожара сильно пострадали и собор, и палаты. В 1674 г. палаты были разобраны до белокаменного основания. От XVI в. сохранились только подвалы, поверх которых каменных дел мастер Мелетий Алексеев «со товарищи» возвел новые кирпичные палаты с крыльцом. В 1679 г. на месте прежней церкви Федор Григорьев и Григорий Анисимов поставили новый величественный пятиглавый Знаменский собор. При его строительстве для укрепления фундамента в землю было

¹⁵ Васенко П. Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Фёдоровича на царство. СПб., 1913; Веселовский С. Б. Род Кобылы // Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; Лобашкова Т. А. Династия Романовых: библиографический указатель. М., 2007.

¹⁶ По другим сведениям, монастырь был учрежден в 1629 г. в память рождения царевича Алексея. См.: Кондратьев И. К. Седая старина Москвы. М., 1893; Шуцкая Г. К., Трегубова Е. А. Старый дом на Варварке. М., 2007.

План города Москвы 1768 г.,
составленный под руководством инженер-майора Петра Горихвостова

уложено 2,5 тысячи дубовых свай. Когда находишься внизу, в непосредственной близости от собора, то поражает его устремленность ввысь, обычно характерная для шатровых церквей, поставленных в память выдающихся событий. Во время шествия по Варварке главы храма хорошо просматривались, образуя вместе с хоромами «старшой» архитектурный комплекс не только в пределах улицы, но и, возможно, во всем Китай-городе¹⁷. Обзор на монастырь и «Старый государев двор» держал вид и со стороны набережной, и от подъема по Варварке от Варварских ворот, и со стороны Ильинки.

вых каменных построек, возведенных после возвращения патриарха Филарета Никитича в 1619 г.¹⁹ Миновав ворота, паломник молился на кресты Климентовского храма и поднимался по улице, глядя на храм Георгия на Псковской горке. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы стояла на этом месте предположительно еще с XIII в. И впервые упомянута в документах 1462 г. В 1510 г. великий князь Василий III Иоаннович поселил здесь псковских мастеров-пищальников. Тогда храм получил Георгиевский придел и стал именоваться церковью святого Георгия Победоносца на Псковской горке.

¹⁷ Щенкова О. П. Китай-город в структуре центра Москвы XVII в. // Архитектурное наследство. М., 1981. № 29.

¹⁸ План Императорского столичного города Москвы, Кремля, Китая, Белого, Земляного городов, и часть за Земляным городом с показанием соборных церквей, монастырей, домов Ее Императорского величества и знатным местам да публичным строениям со всею ситуациею. М., 1768. Создан в Московской губернской межевой канцелярии в 1760—1770-х годах под руководством инженер-майора Петра Горихвостова. Масштаб 1:8400. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 342. Д. 114.

¹⁹ Сорок сороков. М., 1994. Автор-сост. Паламарчук П.Г. Т. 2. С. 41–42.

В том, что улицы Белого города и Китай-города вели паломника к Кремлю от храма к храму и что на заключительных этапах пути в устье улиц возникали Покровский собор, Спасская башня и колокольня Ивана Великого, читатель может легко убедиться сам, положив линейку на точный «План Императорского столичного города Москвы, Кремля, Китая, Белого, Земляного городов, и часть за Земляным городом с показанием соборных церквей, монастырей, домов Ее Императорского величества и знатным местам да публичным строениям со всею ситуациею», составленный под руководством инженер-майора Петра Горихвостова по состоянию на 1768 г.¹⁸

Перед тем, как ступить на Варварку, путешественник оказывался перед Варварскими воротами Китай-города, из-за которых с правой стороны выглядывала глава Климентовского храма. Церковь Рождества Иоанна Предтечи с Климентовским приделом была одной из пер-

Вид на Варваринские ворота и Климентовскую церковь.
1900-е. Почтовая открытка

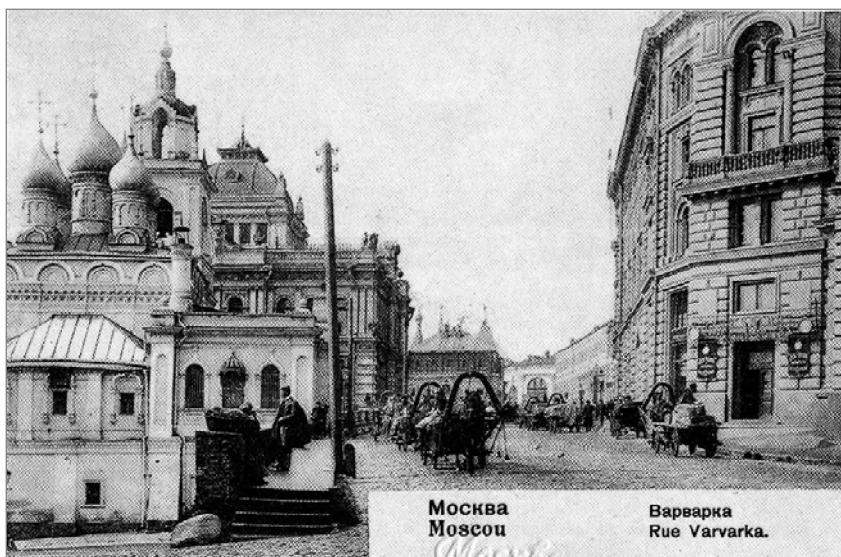
В царствование Алексея Михайловича в 1657—1658 гг. на фундаменте разобранной древней церквиозвели характерный посадский пятиглавый храм XVII в.²⁰

От Георгиевского храма паломник любовался Знаменским собором и переходил к палатам Романовых, откуда ему впервые показывались над торговыми рядами правой стороны Варварки главы Покровского собора. Сама улица сворачивала немногоВлево к церкви святого Максима Исповедника. В 1434 г. при деревянном Борисоглебском храме похоронили московского юродивого Максима Блаженного и устроили придел во имя его небесного покровителя Максима Исповедника. В 1547 г. юродивый Максим Блаженный был прославлен. В 1568 г. возведен каменный храм, который был обновлен в 1672 г. при царе Алексее Михайловиче.

В 1698 г. церковь перестроили и освятили главный престол в честь самого святого Максима Блаженного, а престол в честь его покровителя стал придельным²¹.

Завершал путь паломника по Варварке маленький каменный храм святой Варвары Великомученицы, сооруженный итальянским архитектором Алевизом Новым в 1514 г. В 1796 г. на его месте был построена новая церковь в стиле классицизма²². Далее открывался величественный вид на Покровский собор от его подножия до крестов на многочисленных главах. Необходимо добавить, что в помощь богомольцу каждый перекресток улицы был

отмечен памятными крестами-часовнями, где народ приводили к крестному целованию. Это было характерно для мест, где занимались торговлей. По памятным крестам перекрестки с Москворецкой улицей и другими переулками именовали Варваринскими крестами.

Вид Варварки от Георгиевской церкви на Псковской горке.
1900-е. Почтовая открытка

²⁰ Там же. С. 42–44.

²¹ Там же. С. 45–47.

²² Там же. С. 47–49.

Вид Варварки от палат Романовых на Кремль.
1886. Альбомы А. Н. Найденова. ГИМ

Вид на Варваринские ворота и Климентовскую церковь.
1900-е. Почтовая открытка

В Китай-городе был свой эффект «чудесного видения Небесного Града». Вместо городской крепости из-за особенностей рельефа в качестве образа Небесного Града для путника выступал десятиглавый Покровский собор вместе с колокольней, что, очевидно, предполагалось еще в XVI в. Размеры строений вдоль улиц приближении к Красной площади также понижались, и Покровский собор возвышался над

крышами как чудесное видение. При этом почти с каждым шагом паломника вперед его облик менялся: одни главы скрывались, а другие показывались. Особенно разительным эффект «чудесного видения Небесного Града» был со стороны низкой местности — Москворечья и Зарядья. Художник Ф. Я. Алексеев в 1801 г. запечатлел видение Покровского собора над Москворецкой улицей, выходящей на Варваринский крестец.

Другой архитектурный комплекс в Занеглименье складывался вокруг двора Романовых постепенно. С 1534 г. известен храм великомученика Никиты Бесогона у Ямского двора. В 1582 г. Никита Романович в честь своего святого покровителя основал при храме Никитскую женскую обитель, давшую название всей улице. Приблизительно в это же время на Большой Никитской возник еще один двор боярина Никиты Романовича. С 1602 по 1640 г. здесь жил Иван Никитич Романов по прозвищу «Каша». После кончины боярина в палатах на Никитской обитал его сын Никита Иванович (ок. 1607—1654), двоюродный брат царя Михаила Феодоровича. Со смертью бездетного боярина Никиты Ивановича в 1654 г. все боковые ветви Романовых, кроме потомства Михаила Феодоровича, пресеклись²³. Двор на Никитской известен в исторической литературе под именем своего последнего владельца Никиты Ивановича.

В XVII в. Никитская улица со стороны Кремля начиналась с решетки и палатки для сторожей. Решетка закрывалась на ночь и охранялась. Двор Никиты Ивановича располагался между улицами Никитской и Воздвиженкой. По счету он был третьим на Никитской от долины речки Неглинной. Участок начинался в 52 саженях от решетки железными воротами во двор шириной 3 сажени. Владения простирались на 23 сажени вдоль Никитской улицы и на 90 сажень в сторону

²³ Козляков В. Михаил Федорович. М., 2004. С. 231.

Вид на Варваринский крестец и Покровский собор по Москворецкой улице.
Гравюра Ф.Я. Алексеева 1801 г.

Воздвиженки по переулку, находившемуся сразу за двором. В 14 саженях от Никитской вдоль переулка красовались двухэтажные палаты длиной 30 сажень. В самом конце участка, посередине между Никитской и Воздвиженкой возвышалась Знаменская церковь. Впервые деревянный храм, сооруженный Иваном Никитичем, упомянут в переписи 1625 г. Престол Знаменской церкви был посвящен чудотворной иконе — покровительнице Романовых. В переписи 1657 г. церковь указана каменной и построенной Никитой Ивановичем на своей боярской земле²⁴.

«Лета 7172 (1664) года июня в 12 день... царь Алексей Михайлович указал двор боярина Никиты Ивановича Романова, что на Никитской улице, взять на себя, великого государя, и ведать в Оружейной палате и по сему великого государя указу дьяку Ивану Олухову описать имянно, сколько того двора длиннику и поперешнику и с кем в межах, и что на том дворе хоромного: каменного и деревянного строения налицо и все ль в целости, или что попорчено и мочно ль починить и что на тое починку, каких каменных или деревянных запасов надобно, чтоб те палаты его де во время не капали и в палатах бы лавки и полки все построить...»²⁵. Согласно

составленной по указу росписи на дворе, кроме вышеупомянутых палат и церкви, значились: каменная конюшня, деревянный амбар, двухэтажное сушило для хлебных запасов на первом этаже и для овчин на втором, две житницы, пивоварня и кузница.

Во второй половине XVII в. на дворе Романовых процветали оружейные, столярные и иконописные государственные мастерские. Производились изготовление и починка элитного, художественно украшенного оружия. В столярных мастерских создавались иконостасы в московские монастыри, сундуки, столы, ларцы, погребцы, крестовые ковчеги, церковные ризницы, иконные доски, шахматы, рамы для зеркал и др. Были еще палаты «золотого и серебряного дела». Тут же трудились иконописцы Оружейной палаты. Так, в 1683 г. отделаны две особые палаты для «всяких великого государя верховых живописных писем» под руководством Ивана Безмина. В палатах «наскоро в день и ночь» писали иконы десятки мастеров: Иван Анкидинов, Степан Вавилов, Афанасий, Григорий и Любим Ивановы, Афанасий и Василий Федоровы, Степан Резанец, Тимофей Чертенок и др.²⁶ В 1678 г. были изготовлены украшения для встречи и выезда польских послов, в частности расписаны «крылья холстовое и змеиные головы и змеиные жестьяные крылья»²⁷.

Если по сторонам улиц Занеглименья и Китай-города по мере приближения к Кремлю допускались только низкие постройки, то в глубине кварталов возвышались важные церкви, создавая вертикальные архитектурные акценты, подготавливающие к восприятию трех главных, самых высоких доминант центра города, которые при выезде из разных ворот Кремля и Китай-города «держали» вид города. В Китай-городе таким акцентом над Зарядьем был Знаменский монастырь, перед Красной площадью над застройкой возвышался Богоявленский собор, между Большой Дмитровкой и Тверской —

²⁴ Пушкин Б. С. Двор боярина Никиты Ивановича Романова // Старая Москва / Сб. ст. под ред. Н.Н. Соболева. М., 1914. Вып. 2. С. 1–15.

²⁵ Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Н. И. Романова и дачи по нем на помин души... // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1887. Кн. 3. С. 6–128.

²⁶ Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. М., 1910. С. 3–10.

²⁷ Пушкин Б. С. Указ. соч. С. 9.

Церковь Знамения Пресвятой Богородицы при доме графа Шереметева. Фото 1875 г.
Альбомы А. Н. Найденова. ГИМ

Георгиевский монастырь, а над Занеглименем господствовала Знаменская церковь Романова двора на Никитской.

Во второй четверти XVIII в. южная часть двора Романовых отошла Ивану Львовичу Нарышкину. Знаменская церковь была перестроена им по подобию храма Покрова в Филях. Его отец, дядя императора Петра I прославился стилем, получившим наименование «нарышкинского барокко». В этом стиле Иван Нарышкин и переделал Знаменский храм. В 1800 г. владение приобрел граф Николай Петрович Шереметьев, поэтому церковь получила название Знамения Пресвятой Богородицы в Шереметьевом дворе.

Путь на Большую Никитскую улицу начинался за Никитскими воротами Белого города. По этой дороге в 1619 г. проходило в Москву русское посольство из Польши, с которым из долгого плена возвращался отец царя Филарет Никитич. Государь встречал отца 14 июля во главе большо-

го крестного хода, выйдя за городские ворота. При встрече царь поклонился отцу в ноги. Филарет Никитич тоже преклонился перед царем. Оба долго оставались в таком положении, не решаясь ни встать, ни говорить от радости. Поздоровавшись с сыном, Филарет сел в сани, а государь со всем народом шел впереди пешком. Эта трогательная встреча так поразила воображение простых людей, что они воспели это событие в народном историческом стихотворении:

Из славного града каменной Москве
Не красное солнце катилося,
Пошел государь, православный царь
Встречать своего батюшка
Государя Филарета Микитича²⁸.

В память этой знаменательной встречи в 1624—1626 гг. была поставлена церковь Феодора Студита у Никитских ворот в честь святого покровителя Филарета Никитича, урожденного Феодора. При этом храме патриархом Филаретом был основан Феодоровский Смоленский Богородицкий мужской монастырь. Монастырь был больничным и домовым у патриарха²⁹.

Церковь Феодора Студита у Никитских ворот.
Фото 1881 г. Альбомы А. Н. Найденова. ГИМ

²⁸ Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Понырко. — СПб.: Наука, 2006. Т. 15: XVII век. С. 460—461.

²⁹ Сорок сороков. Т. 2. С 343—345.

Церковь Вознесения Господня малая на Большой Никитской в XVII в.
Видовая реконструкция М. П. Кудрявцева

От церкви Феодора Студита перед путником представляли трехшатровые Никитские ворота, слева от которых возвышались над стеной три главки храма святого Иоанна Предтечи, что близ Никитских ворот. Небольшая каменная церковь была поставлена в первой половине XVII в. в слободе выходцев из Устюга в 27 саженях (менее 60 м) от ворот в узком проезде вдоль стены Белого города. Такое расстояние воспринималось как достаточное, чтобы назвать храм находящимся «близ ворот», а не «у ворот». Основной престол церкви был посвящен Знамению Пресвятой Богородицы и первоначально был один. Впоследствии храм стали именовать по придельному престолу святого Крестителя Господня Иоанна. Само посвящение храма показывает, что его устройство было связано с Романовыми. В 1786 г. церковь была разобрана «за ветхостью»³⁰.

Ступив после Никитских ворот на Никитскую улицу, паломник видел вдали перед собой главы Никольской церкви в Хлынове. Церковь во имя Введения Пресвятой Богородицы во храм на этом

месте известна с конца XIV в. В 1555 г. в память привоза водным путем в Москву чудотворного образа святителя Николая из Хлынова, как тогда именовалась Вятка, и пребывания иконы во Введенской церкви вместо деревянного был возведен каменный храм, в котором был устроен Никольский придел. По приделу церковь стали называть Никольской. В XVII в. к высокой холодной Никольской была добавлена меньшая теплая церковь в честь Знамения Пресвятой Богородицы, что также свидетельствует если не об участии, то о влиянии Романовых на решение задач градостроительства вокруг Никитской улицы. В 1781—1788 гг. вместо двух старых церквей соорудили однокупольный храм в стиле классицизма, разрушенный в 1936 г.³¹.

Когда Никольский храм оказывался с левой стороны от паломника, то в устье улицы показывалась колокольня церкви Вознесения Господня на Никитской, а потом и сам храм. Церковь впервые упомянута в 1584 г. как возникшая в слободе переселенцев из Новгорода. В 1629 г.

³⁰ Фролов А. Тверской бульвар, д. 2 или 4. Церковь Иоанна Предтечи близ Никитских ворот // <http://rudocs.exdat.com/docs/index-400701.html?page=8>.

³¹ Сорок сороков. Т. 2. С. 212–213.

Никитский собор и церковь Димитрия Солунского Никитского монастыря.
Фото 1882 г. Альбомы А. Н. Найденова. ГИМ

Видовая реконструкция обозрения Кремля из Успенского вражка в XVII в.
М. П. Кудрявцева

деревянная церковь сгорела, вместо нее при царе Михаиле Феодоровиче и патриархе Филарете Никитиче в 1634 г. были возведены колокольня и каменный храм³².

Миновав Вознесенскую церковь, паломник в качестве ориентира получал колокольню Никитской обители. До перестройки в XIX в. Святые ворота Никитского монастыря представляли собой двухэтажную палату с проездной аркой посередине, увенчанную колокольней и церковью Воскресения Словущего в правой ее части. Архитектурный облик монастыря вместе со Святыми воротами формировалиозванный в камне Никитой Романовичем Никитский собор и церковь святого Димитрия Солунского, деревянная с 1582 г. и каменная с 1629 г. В 1868 г. над монастырскими воротами вознеслась стройная трехъярусная колокольня, построенная по проекту М. Д. Быковского³³.

Сразу после переулка, на той же стороне улицы, начинался двор Никиты Ивановича, обра-

зая с Никитским монастырем один важный градостроительный узел. От колокольни Никитской обители дорога постепенно заметно понижалась к долине речки Неглинной. В районе пересечения улицы с Романовым переулком открывались важные виды. Сначала в качестве ориентира путнику возникал шатер Покровского собора, а под ним церковь святителя Леонтия Ростовского. Затем, от Романова двора, ориентир сменялся на Спасскую башню, а под ней — храм святого Дионисия Ареопагита. Маленькие церкви святителя Леонтия Ростовского и святого Дионисия Ареопагита были построены Алевизом Фрязиным в 1519 г. в Леонтьевском переулке. Переулок отходил от Никитской улицы в сторону Тверской улицы приблизительно в том месте, где сейчас стоит здание Зоологического музея с огромной аркой соседнего Ботанического корпуса МГУ. Первым зданием по переулку был Дионисиевский храм, а за ним стоял Леонтьевский³⁴.

³² Там же. С. 113–115.

³³ Михайлов К. Н. Никитский женский монастырь в Москве. СПб., 1902. С. 242–259.

³⁴ Русский Архив. 1878. Ч. 2. С. 167.

Вид Кремля и Троицких ворот от перекрестка Воздвиженки и Моховой улиц.
1900-е. Почтовая открытка

Крестный ход выходит на Варварку от Покровского собора. Рабус К. И. Гравюра.
Первая половина XIX в.

От Дионисиевской церкви паломнику открывалась панорама с эффектом «чудесного видения Небесного Града». Над линией воображаемого горизонта вырастала стена Кремля с главами соборов, над которыми царствовала колокольня Ивана Великого. В XIX в. вид на Кремль от первых домов по Никитской улице был перекрыт возведенным Манежем. Благодаря долине речки Неглинной эффект «чудесного видения Небесного Града» возникал при виде на Кремль на участках спуска по улицам Тверская, Никитская, Воздвиженка, Знаменка и по Успенскому вражку. Видовая реконструкция обозрения Кремля из Успенского вражка в XVII в. была выполнена М. П. Кудрявцевым.

Подобный вид на Кремль с перекрестка Воздвиженки и Моховой сохранялся до 1960-х годов, пока не построили Кремлевский дворец съездов. Этот вид в 1960-х вдохновил поэта Н. М. Рубцова на стихотворение «О Московском Кремле», в котором он благодарно оценил усилия первых Романовых:

Но как — взгляните — чуден этот вид!
Остановитесь тихо в день воскресный —
Ну, не мираж ли сказочно-небесный —
Возник пред вами, реет и горит?
И я молюсь — о, русская земля! —
Не на твои забытые иконы,
Молюсь на лик священного Кремля
И на его таинственные звоны...³⁵

Похожее, но более скромное свидетельство «чудесного видения» сохранилось от 1675—1676 гг., когда голландское посольство побывало в России. Балтазар Койэт записал и опубликовал описание государственных дел, обитателей, нравов, обычаяев, законов и обрядов богослужебных. О виде Кремля в записках сообщается: «Как идешь издали, будто видишь Иерусалим, а войдешь, там перед тобой — Вифлеем».³⁶

Первые Романовы были если не основными авторами, то активными участниками создания градостроительного ансамбля Москвы XVII в. В качестве образца для других городов градостро-

ительный ансамбль Москвы первых Романовых просуществовал исторически недолго. Уже сооружение Санкт-Петербурга послужило настоящим требованием не только строить новые города по принципам европейской регулярной архитектуры, но и перепланировать старые русские города так, чтобы в них появились прямые проспекты, ориентированные на шпиши государственных зданий.

Рассматриваемый исторический отрезок в Москве отличался активной народной жизнью. Богомолья, крестные ходы, хождения священнослужителей и монахов в Съезжую избу, что стояла на рву около Покровского собора, были частью их церковной повседневности. Крестные ходы из Успенского собора Кремля делились на большие и меньшие. В большие ходы отправлялись четыре или пять сороков. Иконы, фонари, хоругви и другая утварь, предназначавшиеся для этих ходов, в описях и чинах Успенского собора именовались «большими».³⁷ В больших ходах чудотворные и особо почитаемые иконы из кремлевских и городских монастырей и посадских храмов приносились в Кремль и возвращались обратно с почетным сопровождением бояр и государственных чиновников.³⁸ Большие крестные ходы часто возглавляли сам государь и патриарх. В меньших крестных ходах к Кремлевско-Китайгородскому сороку часто присоединялся еще один, чтобы нести святыни и Успенского собора, и своего сорока. Иконы этих ходов величались «меншими», хотя могли быть очень значительных размеров.³⁹ К ходам Кремлевско-Китайгородского сорока по центру города следует прибавить ходы прочих сороков, также приходивших в центр. В XVII в. московских сороков было сначала 8, затем — 6. На престольный праздник каждой церкви обязательно приходили крестными ходами из всех храмов сорока.

Все побывавшие в XVII в. в Москве иностранные дипломаты сильнее всего впечатлялись празднованием Входа Господня в Иерусалим и молебном на Лобном месте, где патриарх осе-

³⁵ Рубцов Н. М. Стихи о Московском Кремле // Молодая гвардия. 1969. № 1. С. 158.

³⁶ Посольство Кунраада фон Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900.

³⁷ «Образ запрестольных Богородицы и образ Богородицы Владимирская, крест и фонарь большия, рипиды большие, миса большая, крест золотой, евангелие большое...» // Чиновники Московского Успенского собора и выходы патриарха Никона / под ред. А. П. Голубцова. М., 1908. С. 216; «Иконы большия» // Там же. С. 22, 52, 65, 144.

³⁸ «В 1674 году октября 22, по совершении крестного хода к Казанской, по царскому указу назначены были провожать образы по монастырям и приходским церквам: ...к Никите Христову Мученику (в Басманную) — окольничий князь Володимир Дмитриевич Долгоруков, да с ним полуголова; к Знамению — окольничий князь Константин Осипович Щербатой, да с ним голова; к Богоотцу Иоакиму и Анне — думный дворянин А. С. Хитрово, да с ним полуголова...». В это время царь Алексей Михайлович провожал иконы в Троицкое кремлевское подворье, в церковь Богоявления. См.: Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1872. С. 371.

³⁹ «Иконы меньшие» // Чиновники Московского Успенского собора... С. 84, 155, 199, 241.

Патриарх осеняет царя крестом на Лобном месте.
Гравюра по рис. Олеария 1636 г.
Альбомы А. Н. Найденова. ГИМ

нял крестом царя и народ. До 1656 г. «Шествие на ослятии», когда царь вел под уздцы лошадь с патриархом, совершали от Соборной площади Кремля до Входоиерусалимского придела Покровского собора, а после праздничной службы — обратно. Царь Алексей Михайлович изменил чин. Царь и патриарх приходили в Покровский собор в простой одежде, на службе

во Входоиерусалимском храме переоблачались, а «Шествие на ослятии» проходило от Лобного места до Успенского собора.

Из Успенского собора крестный ход при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне отправлялся в следующем порядке: «впереди две хоругви, за ними чернцы и потом диаконы, по два вместе, за ними священники по

три вместе, потом протопопы и запрестольный образ, два креста хрустальные, одне рипиды и иконы соборные из Чудова монастыря, с Троицкого подворья, из Архангельского собора и от Николы Гостунского; далее протопопы успенский и благовещенский, потом певчие и образ Богородицы Влахернская, в преднесении подъяками двух свеч. За иконою шли соборные ключари, потом патриарх в малом облачении с посохом. По правую сторону патриарха диаконы несли Евангелие большое в ковчеге бархатном, а по другую — на мисе (блюде) крест золотой, жемчужный, большой, да малое Евангелие⁴⁰. В завершение следовал государь в сопровождении бояр. По обе стороны пути были расставлены расписные кадушки с ветками вербы, а от притеснения толпой ход оберегали стрельцы. Шествие останавливалось около Покровского собора, где у богато украшенного бархатом и сукном Лобного места был приготовлен воз с наряженной вербой. Все ветки дерева были украшены искусственными цветами, листьями и приготовленными в сахаре или засушенными сладкими фруктами: «яблоками, грушами, изюмом, финиками, винными ягодами, рожками или цареградскими стручками и даже орехами». Под деревом на возу располагался хор мальчиков лет двенадцати в белых одеждах. Эти патриаршие певчие во время праздника и последующего торжественного движения к Спасским воротам, когда повозку тянули шесть лошадей, пели праздничные стихиры.

Во Входоиерусалимском приделе совершали молебен и патриарх облачался в праздничные одежды. Царь возлагал на себя торжественный наряд на паперти собора. На Лобном месте, на убранном зеленою бархатною пеленою аналое патриарх читал Евангелие. Потом его водружали на «осляти», роль которого исполняла белая лошадь, покрытую белой попоной. Путь от Лобного места к Спасским воротам ограждался надолбами, которые обивались красным сукном. Впереди крестного хода в Кремль царь вел под уздцы лошадь с патриархом. По пути следования дети стрельцов, мальчики от 10 до 15 лет, постилали пред государем и патриархом сукна разных цветов, большей частью красные и зеленые. При царе Михаиле Федоровиче, когда в обрядах было меньше пышности, количество расстила-

ющих ткани и одежды детей было от 50 до 100. При царе Алексее Михайловиче число мальчиков достигало 800. При царе Федоре Алексеевиче общее число детей-участников дошло до 1000, из которых 800 постилали полотна, а 200 раскладывали кафтаны. Все они получали за свой труд в награду те же сукна и одежды, которыми устилали путь, но чаще случалось, что им выдавали деньгами по две гривны или по восьми алтын каждому⁴¹.

В момент входа в Спасские ворота выстроенные на площади войска и православные зрители ложились ниц в земном поклоне из-за особой значимости и торжественности происходящего. Тотчас же в это время по сигналу палили из крепостных пушек со стен над Москвой-рекой. Появлялся новый смысл действия. Единственный в мире православный царь приводил дарованную Господом и сохраненную последним православным государством Церковь в Священный Град. Надстройка Спасской башни Романовыми отражала этот новый смысл, так сформулированный в Псалтыри: «Внедете во врата Его во исповедании, во дворы Его в пениях» (Пс. 99); «Сия врата Господня, праведники внидут в них» (Пс. 117). Надстройка остальных башен Кремля, последовавшая с 1670 по 1685 г., также имела целью придать крепости великолепный вид Священного Града. Последний раз Вербное действие совершили в 1696 г. с участием царя Иоанна Алексеевича. Отмена проведения действия Входа Господня в Иерусалим на Красной площади в 1697 г., последовавшая после смерти Иоанна Алексеевича, ознаменовала наступление Петровского полновластного правления государством и смешение акцентов в пользу светского государства.

Неправильно представлять себе первых Романовых настолько увлеченными религией, что они были озабочены только церковным благолепием. Рассматриваемое нами культурное явление с их точки зрения было направлено на утверждение международной значимости, демонстрацию величия своей державы, в чем они и преуспели. Первые Романовы охотно поддерживали нововведения по европейскому образцу, если те не противоречили и не мешали православному образу жизни. Было отменено местничество,

⁴⁰ Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии Российской касающихся, Изданная Николаем Новиковым, Членом Вольного Российского Собрания при Императорском Московском Университете. Издание Второе, вновь исправленное, умноженное и в порядок Хронологической по возможности приведенное. М., 1789. Ч. XI. С. 60.

⁴¹ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей ... С. 349–355.

заработали первые мануфактуры, прошли первые театральные постановки и многое, многое другое. Демонстрация торжества Православия представлялась им при этом обязательной. Доказательство величия своего государства происходило по европейским меркам и должно было производить впечатление в первую очередь на иностранцев.

И на Варварке, и на Большой Никитской большинство храмов в той или иной степени было связано с Романовыми организацией строительства, вкладами или попечением. Романов двор на Варварке вместе со Знаменским монастырем образовывал крупный градостроительный узел. Не менее значимый градостроительный

узел создавал двор Никиты Ивановича вместе с Никитским монастырем на Большой Никитской. От дворов Романовых путешествующим по улице открывались виды, имевшие сакральный смысл. По Варварке совершал крестные ходы Кремлевско-Китайгородский сорок. Из собора Знаменского монастыря выносили, а после окончания хода приносили обратно чудотворную Знаменскую икону Романовых. По Большой Никитской шествовал в Кремль Никитский сорок. Выделение дворов Романовых в градостроительном ансамбле города повышало авторитет власти, поддерживало правящую династию, укрепляло народное мнение о династической богоизбранности Романовых.

